

 НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

1972
ГКЧП

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Разработка серийного оформления
Владиславы Матвеевой

Иллюстрация на переплете
Станислава Дудина

Щепетнов, Евгений Владимирович.
Щ56 1972. ГКЧП / Евгений Щепетнов. — Москва : Эксмо,
2022. — 352 с. — (Новый фантастический боевик).

ISBN 978-5-04-117487-3

Вот и началось. А никто не обещал, что все будет гладко! Что старые закоснелые догматики-коммунисты так просто сдадутся «предателям идей коммунизма»! И что забугорное оружейное лобби будет так спокойно смотреть на «бесчинства» президента Никсона.

Уцелеет ли герой в кровавом вихре событий? Покажет время...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Щепетнов Е.В., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-117487-3

Глава 1

В середине августа дни очень жаркие. Ну да, абсолютная банальность, а я — полковник Очевидность. Полковник КГБ Очевидность. Лучше бы Никсон приехал в сентябре, когда прохлада, когда Москва уже забросана пачками желтых листьев, прибитых мелким, еще почти летним дождем. Тогда можно надеть легкую курточку вроде болоньевой ветровки, а под ветровку спрятать восьмисотграммовый «макаров».

Почему «макаров», а не какой-нибудь экзотичный забугорный пистолет или револьвер? Да потому, что я уверен в надежности этого пистолета, и потому, что в ближнем бою он выполняет свою функцию просто великолепно. Тупоносые девятимиллиметровые пули имеют отличное останавливающее действие, и при этом риск ранить случайную жертву пролетевшей через тело злодея пулей вовсе даже минимален. Кто-то скажет, что это утопия, — и это будет абсолютный дилетант. В моем мире, в моем времени уже давно идут разговоры о том, что необходимо перевооружить американскую полицию, перейти с «глока» на что-то подобное нашему «макарову». Не один случай и не два, когда мощный «глок» пробивал злодея навывлет и ра-

нил человека, стоящего позади. Потому даже стали требовать специальной тактики стрельбы — снизу вверх и даже от бедра. Так что... для полицейских операций нужен безопасный пистолет.

Почему я заговорил о пистолете? И о жарких днях? Да просто потому, что спрятать мне ствол некуда! И буду я рядом с Никсоном, как голый! То есть — без оружия. Семичастный на эту тему мне сказал, чтобы я дурью не маялся, что вокруг будут люди из «девятки», что «Омега» не дремлет, что на крышах снайперы сидят. И вообще — никто не решится на такой самоубийственный поступок, как покушение на высших руководителей двух стран. Потому мне надо не чудить, не холить и лелеять свою паранойю, а нормально, модно одеться, чтобы не выглядеть рядом с президентом США деревенским увальнем из глухой тверской деревушки.

Не знаю, чем ему тверские деревушки не угодили и мой вполне приличный наряд, только я категорически отказался надеть костюм, пошитый индивидуально для меня (кстати сказать, сидел на мне как влитой), и надел обычные свои легкие смесовые брюки и светлую рубашку. И никакого оружия.

А потом был обед или скорее ужин, на котором все говорили речи, в том числе и я. Как обычно, мне пришлось хорошенько постараться, толкая речугу, я не люблю скучных банальностей, я не люблю дежурных речей, канцелярских оборотов и съездовых нудностей. Если выступаю перед людьми — им должно быть интересно так же, как если бы они читали мою книгу.

В общем, я лицом в грязь не ударил. Взбодрил народ нашенский и американский. Американцы пря-

мо-таки прослезились. Как, впрочем, и наши. А может, мне показалось: горчица на столе была ядреная, наши-то знали, а вот американцы, привыкшие к своей, сладкой, попались в ловушку и потом утирали слезы.

На следующий день в апартаментах американского президента произошло награждение меня любимого. Долго ко мне ехала высшая награда США, но все-таки доехала. Вернее — одна из высших наград. У них, американов, для каждого рода деятельности своя высшая награда. Но есть еще и специальная, президентская Золотая медаль, она называется Золотая медаль свободы и приравняется к Золотой медали Конгресса.

Тут ведь какая фишка — медаль Конгресса вручает конгресс, в котором, как известно, куча всякого народишка, и этот народишко очень не любит «красных». А кто я такой? Русский, а значит, «красный». И какая мне медаль? Шиш, а не медаль! А вот медаль Свободы вручает сам президент, и это только в его компетенции. Он не спрашивает ни у кого разрешения, можно ли вручить эту награду. А между прочим, она полностью равна по своим, так сказать, плюшкам медали Конгресса. Только вручается гражданским лицам, как сказано: *«За внесение существенного вклада в безопасность и защиту национальных интересов США, в поддержание мира во всем мире, а также в общественную и культурную жизнь США и мира»*. Кто скажет, что я не внес вклада в общественную и культурную жизнь США, — пусть первый бросит в меня камень.

И вот еще что: разве сохранение жизни президента США не является защитой национальных ин-

тересов США? Еще как является! Как и налаживание связей между двумя странами, которые не так давно едва не ввязались в ядерную войну — Карибский кризис. Смягчение отношений, разрядка — это ли не вклад в безопасность? Вот пусть меня расстреляют тухлыми огурцами, если я не сознаюсь, что всегда подсознательно верил и верю, что Россия самая сильная в мире. И что, случись какой-то апокалипсис вроде ядерной войны, мы все равно выживем. Ибо упрямые. Ибо привыкли выживать в любых условиях. Нам не надо теплых сортиров, без которых мы не смогли бы воевать, мы в Отечественной войне поднялись тогда, когда весь мир думал, что нам конец. И, размешивая грязь дырявыми кирзачами, рванули на запад, да так, что этот самый мир ахнул и задергался — не дай бог пойдут дальше!

Кстати, частенько думал над этим и нередко сожалел, что Сталин не отдал приказа и наши армии не пошли по Европе. Вот тогда бы вся Евразия была советской! Иногда даже задумывался, а не написать ли альтернативку на эту тему? Что было бы, если бы наши войска — обстрелянные, умелые, вооруженные современным оружием того времени — пошли дальше? Они бы смели огненной метлой всех, кто посмел бы встать у них на дороге! В том числе и американцев, быстренько присоединившихся к дележке послевоенного пирога.

Красная Франция! Они ведь любители революций — вот вам и социализм. Ешьте, не обляпайтесь!

Красная Великобритания! Вот это просто мечта — «Англичанка гадит» — эта констатация факта актуальна и до конца двухтысячных годов. Она всегда гадит!

Я не любитель Сталина. Я вообще не склонен создавать себе кумиров — просто для этого слишком уж скептик и циник. Но надо отдать должное Отцу Наций — он пожалел русских солдат и не повел их на завоевание Евразии. Слишком многие бы тогда не вернулись из боя. Кстати, чем Сталин и отличается от Троцкого — тот, не задумываясь, кинул бы народы СССР в завоевательную войну. Все ради революции! Все ради светлого будущего! А на самом деле — для себя любимого, для себя, красного диктатора. Нет, все-таки хорошо, что главой СССР стал Сталин, а не Троцкий. Одному — созидание и благодарность потомков, другому — ледоруб. И это правильно.

Меня поставили посреди большой комнаты, толпа служащих президентского департамента выстроилась у стены, президент произнес небольшую речь, из которой явствовало, что я совсем молодец и мне бы надо три таких медали за мои заслуги, а не одну. Но пока вот — одну. И... красивая медаль, правда. В центре голубой кружок с золотыми звездами, лучи звезды белые. Подложка красная, ну и само собой — на золотой основе-решетке. Я почему-то думал, что эту награду прикалывают на одежду, но оказалось — ее вешают на шею, на голубой ленте.

А еще подумалось, что буду выглядеть очень глупо — простецкая рубашка, простецкие штаны и на шее вот такое украшение. Красивое, кстати, украшение!

И как оказалось — у него есть и фракный вариант, который прикалывается на костюм, — в отдельной коробочке, которую мне тут же вручили.

И еще — открытием стало, что степеней у этой награды две. Мне вручили самую высшую — «С отличием». В общем, почитай что аналог нашего «Героя». Хотя вот не хочу сравнивать — наш «Герой» выше всех, и все тут! Когда вижу человека с «Героем» на груди — хочется взять под козырек. Или поклониться. Это я про военного «Героя». Героя соцтруда иногда давали не тем людям, кому нужно было давать. Ну... мне так кажется.

Когда лента опускалась на мою шею, Никсон, лично вручавший награду, шепнул мне в ухо:

— Как там у вас, русских, говорят? Дай бог, не последняя?

— Вообще-то, это про рюмку водки, — автоматически поправил я, слегка ошеломленный производимым действием. Ну не каждый день ведь тебе вручают высшую награду США! Да еще и сам президент!

— Насчет водки — это поправимо, — усмехнулся Никсон. — Хотя я знаю, что ты не любитель выпивки. Но шампанского все равно выпить придется. Однако вначале ты должен произнести речь.

Опять речь! Да что за черт, а?! Меня уже тошнит от речей! Ведь я не могу толкать всякие банальности, мне надо что-то новое ляпнуть!

— Ну что я могу сказать... — начал я, оглядывая лица людей, набившихся в большую комнату. Их здесь было не менее полусотни.

— Что сказать, — продолжил, пытаясь уцепить мысль за хвост. — Это неожиданная и очень лестная для меня награда. На мой взгляд, я ее не заслуживаю. Но если президент решил — так тому и быть. Надеюсь, я отработаю этот аванс. Спасибо!

Ну не сказал бы, что совсем так уж свежо, но и не банально! Опять же, мне так кажется. Мне вообще часто «кажется». Я редко уверен в том, что всегда прав. Видимо, это один из признаков паранойи, развившейся и расцветшей буйным цветом в моей бурной, слишком бурной жизни.

Ну что же — зрители захлопали, а президент Никсон пожал мне руку, многозначительно глядя в глаза. Мол, отработаешь, точно! Выпью из тебя кровь! И ведь выпьет, если потребуется. В политике не до сантиментов. Вот только помочь я теперь едва ли смогу. Мои знания о будущем растаяли в вихре перемен, которые я же инициировал. События идут совсем по-другому, вся история теперь не будет прежней. Те, кто родился в эти годы, могут теперь и не родиться. А те, кто умер, могут и не умереть. Новые судьбы, новые люди. Весь мир стал совсем другим. Моя роль в нем резко уменьшилась. Или, опять же, мне только так кажется? Ведь агентом влияния я быть не перестал!

Выпили шампанского с бутербродами с черной икрой, предоставленными принимающей стороной. И кроме бутербродов было чем еще поживиться. Кстати сказать, я даже удивился — почему на вручении медали не было представителей СССР. Не удержался, задал этот вопрос Никсону. Тот совсем даже не удивился и пояснил, что вручение медали есть акт сугубо личный, даже интимный и касающийся только граждан США, и никого больше. Так что... не пригласили. Хотя шампанское и угощение гости попросили предоставить.

Впрочем, могли бы довольствоваться и теми запасами, что имелись в президентском самолете,

а также в посольстве США в СССР, но сочли, что это будет невежливо по отношению к принимающей стороне.

Честно сказать, я слегка запутался в этих хитро-сплетениях и хитровывертах дипломатических отношений, так что плюнул на все и перестал делать попытки разобраться в мотивации той или иной стороны. В конце концов, я никакой не дипломат, а обычный нормальный вояка, решающий проблемы с помощью грубой, очень грубой силы. И таким вот солдафоном и останусь — прошу любить и жаловать.

Церемония происходила утром, в девять часов, а в два часа дня был назначен прием в Кремле, где должны пройти переговоры между генеральным секретарем КПСС и президентом США. Слава богу, меня туда не позвали, и потому, вздохнув облегченно, я отправился... нет, не домой. Домой меня никто не отпускал. В свой номер, конечно. Вместе с Ольгой — само собой, она присутствовала на церемонии вручения.

В номере я наконец снял с себя высшую награду США, на которую ошеломленно косились охранники, наводнившие коридоры здания, и положил медаль в коробочку из сандалового дерева, из которой она ранее и была извлечена президентом Никсоном. Все. Если я и надену эту награду в будущем, то, скорее всего, не в СССР. Нечего гусей дразнить — ну как это, советский человек получает награду из рук президента вражеской страны! За что? Не за продажу ли Родины? Оптом и в розницу...

Но я ошибся. Награду мне все-таки пришлось надеть, и совсем скоро — через пять дней, когда

завершились переговоры и подписания договоров. По случаю окончания переговоров советское правительство закатило гигантский прием, на котором присутствовали лучшие люди страны — лауреаты премий, актеры, артисты и другие приглашенные лица. Ну и само собой — журналисты всех стран мира. Перед приемом — пресс-конференция. И вот я на ней.

«Душераздирающее зрелище!» — как сказал один киношный персонаж. Ну только представить — здоровенный детина с треугольной спиной, обтянутой черной тканью смокинга, белоснежная рубашка, лаковые полуботинки и... «бабочка»! Да-да, галстук-бабочка! Тоже черный. А поверх смокинга, на груди, — орден Ленина, «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, значок лауреата Ленинской премии, и... как вишенка на торте... фрачная версия медали Свободы. Сказать, что на меня все косились, — это ничего не сказать.

«На выставке Ван Гога я — главный экспонат!» Глав правительств «щелкали» на фото потому, что так положено. Меня же — от души. Чуть не передрались за лучшее место, когда я важно шествовал в составе делегации СССР и потом, когда стоял со стороны Шелепина, пожимающего руку президенту Никсону.

А затем началась пресс-конференция. Никсон и Шелепин сидели на сцене, а журналисты из зала задавали им вопросы — все, как это делается за рубежом, и так, как это бывало в моем времени, в моем мире. Кстати — тоже дань новизне. До сих пор таких пресс-конференций на таком высшем уровне здесь не бывало. У меня даже возникло что-то вроде

дежавю — сколько раз я в своем мире видел подобные пресс-конференции, и не счесть! Заменить Шелепина и Никсона на Трампа и Путина — вот тебе и будет нынешняя пресс-конференция.

Начал ее Никсон. Он поблагодарил принимающую сторону за радушный прием, пошутил, что надеется — не в последний раз видит Кремль изнутри. Доживет до следующего визита, хотя есть куча людей, которые до сих пор мечтают о его безвременной кончине. Чем вызвал ухмылки и хохот в зале. Шелепин же остался невозмутим и в ответном слове заверил, что в СССР его другу Ричарду ничего не грозит, и если понадобится — на его защиту встанет вся мощь Советского Союза. Тут они оба заулыбались, а Никсон даже привстал и хлопнул Шелепина по плечу.

Вообще, Никсон был довольно-таки прост в общении, эдакий селянин-реднек. Тенденция такая, что ли... многие из американских президентов отличались селянской простотой — до абсолютной глупости. Один из них даже спутал Австрию с Австралией. Возможно, что американскому народу именно такие президенты и нравятся — не слишком умные, плоть от плоти этого самого народа.

Я думал над этим — как при таких необразованных, неразвитых, даже, можно сказать, тупых президентах США до сих пор живы? И после размышлений сделал вывод: а от президента не очень-то что и зависит. Политику делает не президент, а его окружение. И конгресс. Вот стал президентом Трамп, и что? Да они его обложили, как волка флажками! Туда пойдешь — смерть. Сюда пойдешь — и тут смерть. Номинальная фигура, дожидаящаяся

конца срока. Ну да, Трамп пытается что-то делать, дергается, но все его усилия идут прахом, ибо рулит демократическое лобби, главный разжигатель войн и революций по всему миру. И они не дадут Трампу сделать ничего позитивного. Только вперед — к войне, к конфронтации, к хаосу и огню.

Никсон, наверное, последний из президентов, которые управляли страной сами, которые принимали решения, противоречащие воле демократического лобби. За то едва и не огреб по полной. И кстати, еще не факт, что вся эта история с покушением на президента США уже закончилась. Приедет домой, выйдет на улицу... и будет его Пэт ловить верхушку черепа мужа, как жена Кеннеди. Все может быть. Бурление в выгребной яме, именуемой властью США, все еще продолжается. Верно сказал Шелепин — у нас Никсону безопаснее, чем у себя дома.

Дальше продолжал выступать Шелепин. Он рассказал, какие договоры были подписаны, что от них ждать, ну и все в этом духе. И самое главное — рассказал про договор о дружбе и сотрудничестве с США, из которого следовало, что мы теперь и в космос вместе полетим, и наукой займемся, и совместные предприятия создадим — что было совершенно невозможно в моем мире в этом самом году. И завершил Шелепин выступление заявлением о том, что холодная война закончена. Навсегда. Мы с США теперь шагаем в будущее вместе, рука об руку, как добрые друзья.

Шелепин и Никсон встали, долго пожимали друг другу руки, позируя перед телекамерами и фотоаппаратами, и фотовспышки залили их всполохами

грозовых молний. Да-а... наделал я делов! Ведь фактически это моих рук дело! В моем прошлом такого договора и близко не было!

Дальше начались вопросы. И первый задал журналист газеты «Правда» (фамилию не помню, а бейджика, как принято в будущем, у него нет):

— Скажите, пожалуйста, товарищ Шелепин, не получится ли так, что мы будем выполнять договоры, а вот США подождут? Как мы их проконтролируем? А они — нас?

Шелепин начал рассказывать о том, какие будут созданы комиссии, а я вдруг подумал о том, что если как следует подать эту новость нашему не очень «прошаренному» народу, то видится натуральная государственная измена. Как так — допустить американцев к ядерному оружию?! Пустить их в святая святых — ядерные хранилища! Хорошо, что советские средства массовой информации под жесточайшим контролем, иначе бы...

Дальше посыпались вопросы о конкретике договоров, на что было сказано, что все договоры будут опубликованы в газете «Правда», так что незачем сейчас тратить на это время. Вкратце — тяжелые ядерные ракеты будут порезаны на металлолом, частично, конечно, ну и запрет на размещение в космосе подобных ракет и другого тяжелого вооружения. Много чего назаклучали. Уверен, были еще и секретные дополнения к договорам, уж не знаю, как они правильно называются — протоколы, что ли... Будь я на месте Шелепина — первым делом договорился бы с США о разделе сферы влияния. Внес бы это секретным протоколом в договор о дружбе и сотрудничестве. Мы влияем на страны

Варшавского блока, на Ближний Восток (частично), на часть Африки, часть Южной Америки. США наложат свою лапу на Европу (без наших стран), Австралию, часть Африки, Южной Америки... ну и так далее. Север и Антарктида общие. Скорее, все это Шелепин и сделал — или я его не знаю. Уж на то пошло — я лично внедрял в головы генсека и Семичастного эту самую мысль о том, что надо договариваться с США и делить мир. Настолько надоел им своими напоминаниями, что Семичастный на меня даже рявкнул: *«Не считай нас глупее себя! Хватит повторять одно и то же! Все уже решается!»* Только тогда я от них отстал и не напоминал при каждой новой встрече.

Кстати сказать, то же самое... примерно то же самое я говорил и Никсону: «Хватит конфронтации! Нужно поделить мир вместе с СССР и не допустить, чтобы поднялся Китай! В противном случае он задушит весь мир в своих мягких объятиях». Никсон внимательно слушал. И вот — результат моих, можно сказать, титанических усилий. Без ложной скромности скажу: если бы не я, такого договора точно бы не было. Никогда и ни за что! И теперь только что-то экстраординарное может заставить страны его разорвать. И буду надеяться, что такого никогда не случится. Кстати, договор *бессрочный!*

Вот для чего я оказался в этом мире. Вот для чего я поднимался на вершину известности, богатства, влияния. Ради нескольких листов бумаги, в которых теперь заключены судьбы мира на десятки, сотни лет вперед!

Ай да я! Ай да Михаил Карпов, писатель средней руки! Нет, все-таки я заслужил свои ордена. Вот

сейчас они перестали давить мне на грудь тяжким грузом. Вот теперь я почувствовал, что поработал хорошо! Гложет вот только душу что-то... не знаю, что со мной. Все идет хорошо, просто замечательно. Может, потому что *слишком* хорошо? Вот были бы какие-нибудь заковыки, что-нибудь бы не получалось — тогда я бы успокоился. А так... слишком уж гладко.

Хотя... только недавно ведь из больницы, чуть башку не снесли — ЭТО гладко? Если это гладко, тогда я не знаю, как с колдобинами. В общем, не знаю я, что со мной. Тяжело на душе. Вроде и радуюсь, и понимаю, что все сделал верно, не ошибся, а сердце щемит. Как перед грозой, когда грозовой фронт толкает перед собой могучий инфразвук, воздействующий на психику человека и заставляющий впадать в тоску. После чего в ужасе люди прыгают за борт корабля и гибнут, отдав свой разум безжалостной Вселенной.

Ладно, хватит! Выбросить из головы всю эту чушь и сосредоточиться на празднике. Ведь это на самом деле праздник! Две державы, которые вот только недавно собирались порвать друг другу глотки, обнимаются и обещают жить дружно, как и положено любящим братьям. И неважно, что на поясе у них висят клинки. Теперь эти клинки в ножнах и рукояти мечей связаны с ними крепким шнуром. Не развязать — только рвать.

Потом был банкет. Огромный зал, где нашлось место нескольким сотням человек. Мы с Ольгой сидели на стороне Шелепина, почти напротив Никсона и первой леди. Ольга великолепна! Ей перед встречей принесли вечернее платье, и похоже, что

от кутюр. Я не разбираюсь в этой хрени, но похоже, что Ольга в ней шарит на раз, потому что она взвизгнула, когда увидела одежку, и, едва дождавшись, когда курьер покинет наш номер, стала напяливать на себя это произведение портняжного искусства. И для того ей пришлось раздеться практически до гола — только узкие трусики типа стрингов, которые не выпирали из-под тонкой шелковой ткани. И которые вместе с чулками лежали в одной из коробок, принесенных этим самым курьером. Кей-Джи-Би ничего не упускает!

Алое платье обтягивало ее как вторая кожа. Разрез на длинном, до пола, подоле бесстыдно открывал изящную ногу в черном чулке и шел едва не до пояса. Низкое декольте (даже на мой взгляд — слишком низкое!) обнажало тронутую загаром грудь, и широкие лямки едва скрывали тугие полушария, норовившие вырваться на свободу.

Кто выбирал это платье — не знаю, интересно было бы поглядеть на этого человека. Честно сказать, я лично такое платье на официальный прием точно бы не... хм... не выбрал. Имею в виду — для своей женщины. Впрочем, я еще тот консерватор, бука, социопат и вообще — толстокожий бегемот. Так сказала Ольга, и она права. Я ничего не понимаю в здешней моде и только лишь могу сказать, что платье подходило Ольге так, будто для нее и было изготовлено. Красное брюнеткам вообще к лицу, а тут... тут совсем уж все в тему. И что значит «будто для нее изготовлено»? Скорее всего, так и есть — без «будто». Знают... все размеры знают, до миллиметра. Такое ощущение, что нас постоянно просвечивают рентгеном. Мы их не видим,

а они нас — да. Подозреваю, что в нашем номере кроме обычной прослушки и видеозаписи еще и ночная видеозапись. Если ее уже изобрели, конечно.

Ольга уже привыкла заниматься сексом под пристальным вниманием спецслужб, а я до сих пор никак не могу сосредоточиться, вспоминая, что сейчас кто-то у магнитофона сидит с наушниками и вслушивается в наши стоны и чмоки. Помню старый криминальный боевик — там в комнату, где ведется подслушка беглого преступника, занимающегося сексом со своей подругой, заходит женщина, подполковник, начальник отдела уголовного розыска. А из микрофона несутся женские стоны, да такие мучительные, такие громкие. И подполковница ошеломленно спрашивает: «Что он с ней делает?! Душит, что ли?!» А лейтенант, едва сдерживаясь от хохота, отвечает: «Он над ней глумится, товарищ полковник!» Вот и я с Ольгой — как подумаю о подслушке, так вспоминаю этот фильм. И не выдерживаю, глупо хихикаю. Ольга как-то сердито спросила: что это такое со мной, что я в самый что ни на есть ответственный момент все порчу глупым «хи-хи». Я ей и рассказал. За что она меня потом ругала — хохоча и требуя забыть и больше не хихикать. Хорошо хоть у меня в квартире не подслушивают — так сказал Семичастный, а я ему верю. Про Кремль мы с ним ничего не говорили.

Итак, Ольга выглядела отпадно, как настоящая западная кинозвезда, я выглядел денди в своем дурацком смокинге, и как минимум половина журналистов фотографировала только нас, что нервировало меня, нелюбителя светских мероприятий.